

И такое бывает

Александр Николаевич Шмаков

Александр Шмаков

И такое бывает

«Автор»

2026

Шмаков А. Н.

И такое бывает / А. Н. Шмаков — «Автор», 2026

«Он изменил мне. Сказал всего одно слово: Прости. И мой мир разбился на тысячи осколков». Обычное утро. Кофе, дети, спешка на работу. Алина - жена, мать, хранительница очага. Она привыкла молчать, терпеть, оправдывать. Но случайное уведомление на телефоне мужа разрушает всё. В ту же ночь она проваливается в страшный сон - альтернативную реальность, где её гнев и жажда мести уничтожают не только предателя, но и её саму, детей, весь дом. Проснувшись, Алина получает редкий шанс: сделать выбор заново. Уничтожить, или сохранить? Разрушить, или построить? Этот рассказ не про измену. Это про женщину, которая прошла сквозь боль и нашла путь к себе. Про силу прощения, которая спасает не того, кто предал, а ту, кто осталась. Жёсткая правда о любви, иллюзиях и о том, как из пепла можно возродить счастье, если хватит мудрости не превратиться в судью. «И такое бывает» - история, от которой невозможно оторваться. Она останется с вами надолго. Для тех, кто верит, что даже в аду можно выбрать свет.

© Шмаков А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Звон осколков.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Шмаков

И такое бывает

Часть 1. Звон осколков.

Вроде этому дню суждено было стать обычным. Семь утра. Среда. Болела голова. Та самая частая утренняя боль, не острая, а тупая, будто кто-то вставил под череп ватный диск и намочил его свинцом, и свинец этот медленно растекался по затылку, оттягивая голову к земле. Сын Илья, одиннадцати лет, возился в прихожей, искал носки, и не хотел одевать школьную одежду, потому что она была ему узка в плечах, а он стеснялся этой узости, как более старшие стесняются первой бороды. Дочь Соня, тринадцати лет, стояла перед зеркалом и ненавидела весь мир, потому что мир не желал понимать, как важно, чтобы волосы легли сегодня иначе, чем вчера. Алина заварила кофе, но пить не стала. Тошнило, и запах молотых зёрен теперь казался ей запахом старого железа. В холодильнике ещё что-то оставалось, но яйца кончились. Муж, Алексей, уже ушел. Она даже не помнила, чмокнул ли он её на прощание, как обычно, или просто скрипнула дверь. В последнее время он был как тень, скользкая, убегающая. Она видела его спину чаще, чем лицо. Архитектор. Проекты. Она привыкла его оправдывать: «У него сложная работа, он устаёт». Ведь она сама была простым методистом в центре образования: бумажная пыль, отчёты, и начальница Нина Павловна, вечная, как гранит, вросшая в своё кресло корнями, которые никто не видел, но все чувствовали.

Всё произошло случайно. Проходя мимо стола Алексея, чтобы закрыть форточку, она задела локтем его забытый телефон. Телефон дрогнул, и на экране загорелось уведомление, будто кто-то дразнил её изнутри стекла. Слова ворвались в её мир не как нож в масло, а как гвоздь, который забивают в живое дерево. Дерево стонет, но не может вырвать гвоздь. «Малыш, ты сводишь меня с ума. Когда увидимся? Твой столик ждет...»

Прочитала. Перечитала еще. Буквы не складывались в смысл, они были как осколки битой посуды, которые невозможно склеить, потому что каждый осколок режет пальцы. А потом сложились. «Твой столик». Она вспомнила этот столик у окна, в итальянском ресторане, где скатерть была белой, а свеча дрожала и отбрасывала тени на его лицо. Где она, в своём лучшем платье, которое теперь висело в шкафу и пахло нафталином, смотрела в глаза Алексею и верила, что жизнь будет вечной сказкой. Её столик. Их столик. Теперь он принадлежал другой.

Что-то внутри не разбилось со звоном, как стекло. Нет. Оно хлюпнуло. Мокро, противно, как будто в груди лопнул мешок с чёрной ледяной жижей, и жижа эта растеклась по рёбрам, заливая лёгкие, мешая дышать. Земля ушла из-под ног, но стены почему-то остались. Они стояли, равнодушные, как свидетели, которым нет дела до её горя. Она механически села в его кресло. Кресло помнило его тело, оно прогнулось именно там, где сидел он, и Алина чувствовала эту ямку, как чувствуют чужую постель. Вдохнула. Пахло его одеколоном, привычным, родным, тем самым, который она дарила ему на Новый год... и, точно, чужими духами. Сладкими, приторными, как ириски, которые она в детстве ненавидела. Они липли к зубам, и от них оставался противный, искусственный привкус. Желудок скрутило, и она прижала ладонь к животу, будто это сняло бы боль.

Весь день была как зомби. Не живой человек, а механизм, который печатает отчёты не глядя, отвечает на вопросы не слыша, кивает, когда нужно сказать «да», и молчит, когда нужно сказать «нет». Внутри была налитая тяжесть, липкая, как паутина, которая обволакивала лёгкие, сжимала сердце, и каждый вдох давался с трудом, будто она вдыхала не воздух, а влажную вату. Домой не хотелось. Дом теперь был не домом, а местом, где её ждало что-то гадкое. Но она пришла, купив, как обычно, продукты по дороге. Его ещё не было. Она накормила и

уложила детей. Илья долго не засыпал, ворочался, и она гладила его по голове, чувствуя, как её пальцы дрожат, а сын думал, что это от усталости. Потом пришёл он. Молча. Снял плащ, повесил на крючок. Крючок скрипнул, как живой, и этот скрип показался Алине предвестником чего-то неотвратимого. Он прошёл к ней на кухню, где она по привычке готовила еду на завтра, сел, не глядя на неё.

Она собралась с силами, которых почти не осталось, и спросила незнакомым голосом. Голос был тонкий, чужой, будто говорила не она, а кто-то другой, сидевший у неё внутри: «Лёш, у тебя кто-то есть?»

Тишина. Она длилась вечность, такую долгую, что можно было бы прожить ещё одну жизнь. Он побледнел. Этот цвет его лица, серый, землистый, она запомнит навсегда: цвет пепла, в который превращается всё живое, когда его сжигают изнутри. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки, и костяшки эти торчали, как острые камни из-под тонкой кожи. И выдохнул одно слово: «Прости.»

И вот тогда она сорвалась. Внутри, конечно. Наружу не вырвалось ни звука, только воздух со свистом вышел из лёгких. Но там, внутри, завывала дикая, раненная волчица, которая билась о клетку рёбер и царапала сердце когтями. «За что?! Что я сделала не так?! Я же всё! Всё, что могла! Я рожала детей, я стояла у плиты с температурой, потому что ты так любишь борщ. Я помню, как ты говорил, что мамин борщ был самым лучшим, и я училась варить его ещё лучше, пока пальцы не покрывались ожогами от кипящего варева. Я спала с тобой, когда меня валило от усталости, потому что знала: тебе надо, тебе нужно, чтобы жена была рядом, иначе ты будешь смотреть по сторонам. Я ведь старалась! Я ведь... идеальная жена? Я же чистоту хранила, не только в доме, но и в себе. Я в себе сомневалась, я себя ломала, я молчала, когда ты кричал на меня, потому что думала: «Он устал, он не со зла». Я... я...»

Она отвернулась от него и посмотрела в окно. Там, на мокром асфальте, в лужах отражался жёлтый свет фонарей, и ей казалось, что в этих лужах отражается её жизнь. Тридцать семь. Усталые глаза, в которых погасла та искра, что была когда-то. Впалые щёки. Она перестала замечать, когда исчезли ямочки, которые он когда-то любил целовать. Волосы, вечно собранные в тугий пучок, не для красоты, а чтобы не мешали на кухне, чтобы не падали в суп и не лезли в глаза, когда проверяла детские уроки. Руки, потрескавшиеся от мытья посуды, - они когда-то были нежными, он держал их в своих и говорил, что они мягче шёлка. Резанула мысль, острая, как лезвие: «И ради этого? Ради этого я превратилась в тень? Он выбрал ту? Молодую? Сладкую? Которая пахнет этими вонючими ирисками? Которая не знает, сколько стоит репетитор по математике для Ильи? Которая не будет шипеть на него из-за грязных носков, разбросанных по комнате, потому что она не стирала эти носки, не гладила их, не считала, сколько пар осталось в шкафу? Она лучше? Я... хуже?»

Хотелось быть в голос, как выла волчица внутри. Хотелось схватить его чертежи, эти мёртвые дома, которые он вычерчивал для чужих людей, для чужих жизней, и порвать их в мелкие клочки, чтобы бумажные обрывки разлетелись по кухне, как снег, как пепел. Хотелось позвонить свекрови и крикнуть в трубку: «Забирай своего сына, ты вырастила палача, ты растила его, как тепличный цветок, а он вырос сорняком, который душит всё вокруг». Хотелось взять кухонный нож с деревянной ручкой, которым она резала хлеб к ужину, и изрезать его любимый кожаный пиджак, который она сама подарила ему на день рождения, отложив деньги из семейного бюджета, тайком, чтобы он обрадовался. Хотелось рухнуть на пол и биться головой о паркет, чтобы заглушить эту боль, вышвырнуть её, как вышвыривают мусор, но она знала: мусор можно выбросить, а боль останется.

Но тело не слушалось. Тело делало ритуалы, которые она повторяла тысячи раз, как молитву, как заклинание, чтобы мир не рухнул окончательно. Оно налило воды из-под крана. Вода была холодная, но обожгла горло, когда Алина проглотила таблетку. Собрало крошки со стола. Мелкие, чёрные, они не прилипали к пальцам, и она стряхивала их в ладонь, чувствуя

их сухую колкость. Взяла солонку и отнесла её на стол в большой комнате. Солонку. На середину стола. Зачем? Она не знала. Просто, когда мир рушится, хватаешься за солонку, чтобы не сойти с ума, чтобы было за что ухватиться, чтобы якорь был. «Всё, не могу...» - прошептала одними губами, и губы её были сухими и шершавыми.

Она легла на диване в большой комнате. На нём они когда-то смотрели кино, обнявшись, и она засыпала у него на плече, а он не двигался, чтобы не разбудить её. Теперь диван казался ей холодным и чужим. Поджала ноги, сжалась в комочек, как маленькая девочка, которой страшно в тёмной комнате, но теперь некому прийти и сказать: «Не бойся, я здесь, с тобой». Сердце билось так, что ребра ломило, и в ушах, и во всём теле стоял звон, не тот звон, что слышат только уши, а тот, что чувствуют кости, когда они скрипят от напряжения. Все внутри неё кричало. Каждая клетка, каждый нерв, каждая жилка вопили о несправедливости, и крик этот был беззвучным, но таким громким, что, казалось, стены должны были треснуть от него.

Вспомнила их встречу. Ей двадцать, ему двадцать два. Он задел старую папину машину на парковке. Ту самую «Волгу», которой папа гордился, как боевым конём. Она только что научилась её водить и страшно испугалась, что отец узнает о царапине. Он вышел из своей машины, такой виноватый, такой красивый, с этим нелепым ежиком волос, который торчал в разные стороны, и с глазами, которые смотрели прямо в душу. Она не знала, что сказать, что делать в этом случае, не попросила денег на ремонт. Просто смущенно улыбнулась, и улыбка её была робкой и тёплой. Он сказал: «Вы, как солнце. Хорошо бы, чтобы оно всегда светило мне». И мир засиял. Засиял так ярко, что она ослепла от этого света и, даже, перестала замечать темноту. А сейчас он выбрал эту темноту, и сам стал темнотой. Он променял ясный свет на тусклую лампочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.